

DOI: 10.22363/2313-2302-2021-25-2-320-327

Научная статья / Research Article

О несостоявшейся первой публикации русского перевода «Шу цзина»

Л.В. Стеженская

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Российская Федерация, 101000, Москва, ул. Мясницкая, 20,
Институт Дальнего Востока РАН,
Российская Федерация, 117218, Москва, Нахимовский пр., 32,
lstezhenskaya@hse.ru, liuxie@mail.ru

Аннотация. «Канон записей» («Шу цзин») — это древнекитайский письменный памятник, собрание обращений правителя к подданным и подданных к правителям. Философский смысл «Шу цзина» в том, что в нем упомянуты или затронуты вопросы широкого мировоззренческого порядка. Эти краткие отсылки либо дали жизнь философским идеям, либо потом, после соответствующей интерпретации, были использованы философами для авторитетного подтверждения уже своих мыслей. Первый полный русский перевод «Шу цзина» был выполнен в начале 40-х гг. XIX в. архимандритом Даниилом (Дмитрий Петрович Сивиллов, 1789—1871). Перевод выполнялся, прежде всего, как учебное пособие для студентов впервые учрежденной в России и второй в Европе кафедры китайского языка в Казанском императорском университете. Архимандрит Даниил был ее первым заведующим в 1837—1844 гг. Переводчику, к сожалению, так и не удалось опубликовать свой труд. Сивиллов впервые в русском и европейском китаеведении обратился к чисто китайскому комментированному изданию. Использованный Сивилловым и его последователями канонический текст был рассмотрен и понят через призму современного переводчику неоконфуцианства, которое по сравнению с древним и раннесредневековым конфуцианством переосмыслило и значительно обогатило философский смысл «Шу цзина». В каких-то моментах понимания неоконфуцианского толкования древнего текста архимандрит Даниил не только опередил, но и оказался более успешным, чем его более поздние коллеги. Прилагается не публиковавшийся ранее выполненный архимандритом Даниилом перевод главы 3 «Да Юй мо» древнекитайской книги «Шу цзин».

Ключевые слова: «Шу цзин», «Канон записей», архимандрит Даниил (Сивиллов Д.П.), перевод, конфуцианство, Китай

История статьи:

Статья поступила 10.10.2020

Статья принята к публикации 15.01.2021

© Стеженская Л.В., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Для цитирования: Стеженская Л.В. О несостоявшейся первой публикации русского перевода «Шу цзина»// Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2021. Т. 25. № 2. С. 320—327. DOI: 10.22363/2313-2302-2021-25-2-320-327

A Propos the Failed First Publication of the Russian Translation of Shu Jing

Lidiya V. Stezhenskaya

HSE University,
20, Myasnitckaya St., Moscow, 101000, Russian Federation;
Institute of Far Eastern Studies RAS,
32, Nakhimovskiy Av., Moscow, 117997, Russian Federation,
lstezhenskaya@hse.ru, liuxie@mail.ru

Abstract. *The Book of Historical Documents (Shu jing)* is an ancient Chinese written monument, a collection of addresses of the ruler to the subjects and of the subjects to the rulers. The philosophical meaning of *Shu jing* is that it mentions or refers to the issues of a broad ideological order. These brief references either gave life to philosophical ideas, or later, after appropriate interpretation, were used by the philosophers to authoritatively confirm their thoughts. The first complete Russian translation of *Shu jing* was done by Archimandrite Daniil (Dmitriy Petrovich Sivillov, 1789—1871) in the early 40s of the 19th century. The translation was undertaken, first and primarily, as a teaching material assigned to students of the Chinese Language Cathedra at the Kazan Imperial University. This cathedra was first one established in Russia and the second one in Europe. Archimandrite Daniel was its first head in 1837—1844. Unfortunately, the translator have never had a chance to publish his work. Sivillov for the first time in Russian and European Sinology used a purely Chinese commented edition of *The Book*. The canonical text used by Sivillov and later his followers was considered and understood through the prism of modern Neoconfucianism, which, in comparison with ancient and early medieval Confucianism, reinterpreted and significantly enriched the philosophical meaning of the *Shu jing*. In some points of understanding of the Neoconfucian interpretation of the ancient text, Archimandrite Daniil was not only ahead of, but also more successful than his later colleagues. The text of the previously unpublished *Shu jing* Chapter III *Da Yu mo* Russian translation by archimandrite Daniil is attached.

Keywords: Shu jing, The Book of Historical Documents, archimandrite Daniil (D.P. Sivillov), translation, Confucianism, China

Article history:

The article was submitted on 10.10.2020

The article was accepted on 15.01.2021

For citation: Stezhenskaya L.V. A Propos the Failed First Publication of the Russian Translation of Shu Jing. *RUDN Journal of Philosophy*. 2021;25(2):320—327. (In Russian). DOI: 10.22363/2313-2302-2021-25-2-320-327

«Канон записей» («Шу цзин») — это древнекитайский письменный памятник, собрание, по большей части, обращений правителя к подданным и, наоборот, — подданных к правителям. Пожалуй, до середины прошлого века,

пока не стала бурно развиваться китайская археология, он был главным источником по древней и древнейшей истории Китая. Свой исторический авторитет он сохраняет и до сих пор. Считается, что некоторые тексты из его состава могли быть записаны около XI в. до н. э., хотя большинство других текстов, конечно, имеют более позднее, но тоже достаточно древнее происхождение. В исторической науке дискуссии вокруг «Шу цзина» ведутся относительно вопроса, считать ли его историческим источником или историописанием (т.е. историографическим памятником). Нас эти вопросы интересуют не в первую очередь. Для нас важнее помнить, что «Шу цзин» — это и древнейший философский памятник. Речь не идет, конечно, о какой-то развитой философии в столь отдаленное время. Философский смысл «Шу цзина» в другом. Обращения правителей и советы подданных посвящены проблемам текущей политики и политической морали, но в силу этого они не могут не упомянуть или не затронуть вопросов более широкого мировоззренческого порядка. Эти краткие отсылки либо дали жизнь философским идеям, либо потом, после соответствующей интерпретации, были использованы философами для авторитетного подтверждения уже своих мыслей. Это сейчас «Шу цзин» ближе всего соотносится с учением конфуцианства, но в древности к его авторитету прибегали и другие философские школы, в особенности, насколько сейчас известно, моисты. В конфуцианской интерпретации тексты «Шу цзина» лучше сохранились, потому что они были канонизированы конфуцианцами во II в. до н.э. и вошли в собрание древних конфуцианских канонов — «Пятиканоние» («У цзин»). Само же конфуцианство господствовало в государственной идеологии вплоть до начала XX в.

Первый полный русский перевод «Шу цзина» был выполнен в начале 40-х гг. XIX в. архимандритом Даниилом (Дмитрий Петрович Сивиллов, 1789—1871). Переводчик хотел, но не смог его опубликовать. Если бы публикация состоялась, то его работа стала бы вторым полным европейским переводом этого памятника древнекитайской философской мысли. Первый перевод на французский язык был сделан в Китае миссионером-иезуитом Антуаном Гобилем (1689—1759), известным астрономом, синологом и иностранным членом Петербургской академии наук. Хотя перевод был выслан из Китая в Европу около 1739 г., в Париже он был опубликован только в 1770 г. [1]. Русский перевод части канонического текста «Шу цзина» в 1822 г. сделал Н.Я. Бичурин [2]. Не так давно его черновой автограф был подготовлен к печати и издан [3]. Однако сам переводчик не закончил перевод и, по-видимому, не думал его заканчивать. Он использовал перевод в качестве вспомогательного материала для других исследований и не собирався его опубликовать [3. С. 547].

Бичурин — самый известный русский китаевед первой половины XIX в. Сивиллов — его младший современник, такой известностью не пользовался и не пользуется до сих пор. При этом его письменное наследие достаточно хорошо сохранилось [4. С. 417—419], а часть выполненных им переводов

были самыми ранними в нашем китаеведении. Архимандрит Даниил — участник и казначей Десятой духовной миссии в Китае. В бытность этой миссии было введено правило специализации ее членов на изучении или знакомстве с определенными сторонами жизни в Китае и китайской культуры. Сивиллов посвятил себя изучению китайской мысли — философии и религии. Однако за перевод «Шу цзина» он взялся уже после возвращения на родину в силу новых для него учебных задач. В 1837 году в Казанском университете была учреждена первая в России (и вторая в Европе) кафедра китайской словесности. Сивиллов в должности и на ставке ординарного профессора стал ее первым заведующим и оставался в университете до 1844 г., когда он отправился в Забайкалье для продолжения духовного служения в качестве православного миссионера.

Перевод «Шу цзина» требовался для обучения студентов. В качестве учебного пособия он использовался, по-видимому, во всех читавшихся Сивилловым курсах — китайского языка, истории Китая и китайских древностей [5. С. 14—15]. Последний, вне всякого сомнения, основное внимание уделял тому, что мы сейчас называем «страноведение», но больше в части мировоззрения, национальной психологии и культуры. Преподавание велось с использованием репрезентативных текстов, в том числе из «Шу цзина».

О том, что перевод был выполнен в начале 1840-х гг., свидетельствуют сохранившиеся отрывки из него, датируемые 1840—1842 гг. [6. С. 54]. Однозначно о готовом переводе «Шу цзина» в 1844 году сообщается в письме Сивиллова попечителю Казанского учебного округа М.Н. Мусину-Пушкину [7. С. 502]. В 1845-м г., уже после отъезда архимандрита из Казани в Забайкалье, планировалось издать перевод. Работа переводчика получила положительную рецензию. Но, несмотря на это, «Шу-цзин, или Летопись», как озаглавил свой перевод Сивиллов, не был издан. Как предполагал Александр Николаевич Хохлов (1929—2015), исследователь научной деятельности архимандрита Даниила, причиной явилось «отсутствие денежных средств у Казанского университета» [7. С. 500, 511 (прим. 24)].

Ниже мы приведем текст главы 3 из неизданного перевода архимандрита Даниила. Она считается одной из «философских» глав «Шу цзина» и дает хорошее представление как об уровне философской дискуссии в материалах «Шу цзина», так и о переводческой практике Сивиллова. Отметим, что с перевода о. Даниила начинается последовательная череда западноевропейских переводов этого памятника во второй половине XIX в. Более ранние переводы А. Гобилля и Н.Я. Бичурина имеют одну общую особенность. Они делались с двуязычного маньчжурско-китайского оригинала. Китайский текст в силу своей древности и лапидарности был весьма неоднозначен в своем прочтении. Маньчжурский современный перевод уже в своем тексте представлял определенное и понятное толкование. В издании Бичурина текста комментария вообще не было, и он ему не очень требовался, чтобы описать древнюю географию и древние народности. Гобиллю, как представляется,

идейное содержание комментариев было не столь интересно — он давал собственные объяснения и пояснения понятий, подчеркивая их родство с универсальным в его понимании христианством.

Сивиллов впервые в русском и европейском Китаеведении обратился к чисто китайскому комментированному изданию. Точно так же потом во второй половине XIX в. поступали другие переводчики на английский и французский. Использованный Сивилловым и его последователями канонический текст (текст собственно древнего «Шу цзина») был рассмотрен и понят через призму современного переводчику неоконфуцианства, которое по сравнению с древним и раннесредневековым конфуцианством, переосмыслило и значительно обогатило философский смысл «Шу цзина». Добавим, что, на наш взгляд, в каких-то моментах понимания неоконфуцианского толкования древнего текста архимандрит Даниил не только опередил, но и оказался более вдумчивым, чем его более поздние коллеги.

Прилагаемый ниже текст перевода главы 3 «Да Юй мо» из «Шу цзина», выполненный архимандритом Даниилом в начале 40-х гг. XIX в., публикуется впервые. Указываются архивные номера листов рукописи и собственноручная пагинация архимандрита Даниила. Петитом отмечены примечания и пояснения переводчика к выделенным им и им же пронумерованным параграфам оригинала.

Приложение

ШУ-ЦЗИН, ИЛИ ЛЕТОПИСЬ. ОДНА ИЗ КАНОНИЧЕСКИХ КНИГ Перевод с китайского [архимандрита Даниила]

Л. 30 — страница 37

Глава IV.

Доклады Гао-яо

Примеч[ание]. Под именем Докладов не другое что разуметь должно, как некоторые советы, предложения, которые Гао-яо представлял на рассмотрение государю Шуню; отселе и самая глава получила свое название Докладов Гао-Яо.

Гао-Яо предлагает один из своих докладов государю Шуню и взаимное его об оном рассуждение с Юйем

1.) При исследовании древности находим, что Гао-яо некогда сказал: если государь будет следовать со всею искренностью по стезям добродетели; то всякое предложение, представляемое ему министрами будет для него объясняемо в прямом смысле, всякое содействие со стороны их оказываемо будет ему в надлежащем виде. — Правда, сказал Юй (который тогда предстоял пред лицом государя); но как Л. 30 об. — страница 38

Это изъяснить должно, спросил Юй? Прекрасный вопрос! Отвечал Гао-яо. Если государь будет внимателен, продолжал Гао-яо, к усовершенствованию своей жизни и дальновиден в отношении к попечению о будущем; то он соделается виновником того, что родственники его будут обращаться между собою с искренними расположениями и жить в пределах порядка. — Смотри на них все благоразумные люди не могут не возбуждаться последовать их благому примеру жизни: ибо и ближе, и дальше происходит из одного сего начала (т. е. усовершенствования своей жизни).

Юй, изъявив благодарность свою за столь достопамятное изречение поклоном, сказал: действительно это правда!

Знать людей и успокаивать народ для государей особенно важно.

2.) Гао-яо, продолжая речь, сказал: Нельзя себе довольно живо представить, сколь прекрасное положение. Что мудрое правление государя состоит в знании людей и в успокоении народа! «О сии два предмета, со вздохом сказал Юй, к исполнению своему найдут трудность и в самом государе Яо». Чтобы знать людей, присовокупил Гао-яо, потребно быть одаренным особенною проницательностью ума; и тогда-то можно будет употреблять людей на службу, а чтоб успокоить народ, то надобно быть особенно щедрым в делах благотворительности, и тогда-то народ делается признательным к своим благодетелям. При обладании же

Л. 31 — страница 39

даром проницательности ума и при изъявлении благотворительности, нужно ли будет печалиться о Хуань-доу (один из мятежников) и нужно ли заточать в ссылку Мяосского князя? Стоит ли внимания и тот, который со скрытым сердцем и коварною душою, льстивою речью и притворным видом обольщает других, стараясь тем нанести вред и самому правлению?

Гао-яо предлагает средство, как узнавать людей.

3.) Гао-яо сказал: в поступках, вообще рассматриваемых, заключается девять добродетелей; И тогда мы вообще говорим, что этот человек добродетелен; говоря таким образом мы указываем на некоторые черты из его совершенств, обнаруживающиеся в его поступках. Что это значит, спросил Юй? Если великодушные с важностию, продолжал Гао-яо, мягкосердечие с уступчивостию, простота с почтительностию, распорядительность со внимательностию, кротость с решительностию, прямота с тихостию, скромность с разборчивостию, твердость с искренностию, мужество со справедливостию постоянно проявляются в ком-либо из нас; тот поистине счастливый человек! Если кто каждый день обнаруживает в действиях своих из оных девяти добродетелей три добродетели; явно, что таковой, имея дом, станет заниматься управлением оного с утра до вечера; а если кто каждый день строгую наблюдает внимательность к шести добродетелям, заключающимся в числе оных девяти доброде-

Л. 31 об. — страница 40

телей; очевидно, что таковой, владея княжеством, будет постоянно заниматься делом управления. — Но если бы государь захотел соединить добродетели того и другого из них вместе. Дабы дать им большее употребление; тогда сии девять добродетелей вообще все на самом опыте будут показывать в его действиях; тогда высоких и средственных способностей люди будут определяться к должностям, сослуживицы разных степеней возбуждаться взаимным соревнованием, разные ремесленники в свое время приниматься за свою работу, каждый сообразуясь, по роду своих занятий, с пятью стихиями (пять стихий: дерево, огонь, земля, металл, вода) и вообще разнообразные труды будут оканчиваться с желанным успехом.

Обязанности государя в отношении к служащим

4.) Он (т.е. государь) не должен, продолжал Гао-яо, приучать владетельных князей к неге и сластолюбию; но всегда вести себя с осмотрительностию и опасением; потому что в один или два дня открывается бесчисленное множество случаев, большею частию, нами не замечаемых, но всегда угрожающих нам опасностию. Он не должен позволять, чтобы служащие опускали свою должность, а для этого он не

должен принимать на службу людей празднoлюбивых; ибо служба как того, так и других, есть дело, самим Богом им назначенное; следственно человек вместо Бога справляет свою службу.

Л. 32 — страница 41

Существенность государственного управления

5.) Небо во-первых расположило, продолжал Гао-яо, между нами взаимный порядок (какой должен быть соблюдаем между государем и подданным, между отцом и сыном, мужем и женою, старшим и младшим, другом и его товарищем), дабы нас исправить посредством сих пяти обязанностей взаимного порядка, и дабы мы сделались один к другому искренними. Во-вторых Небо постановило между нами степени в приличии, естественно сопряженные с теми пятью взаимными обязанностями, в отличие низших от высших, знатных от простых, дабы мы свободно и по собственному побуждению следовали сим пяти степеням приличия, как всегдашним и непрременным нашим обыкновениям, являясь одинаково друг ко другу внимательными и вообще ко всем уважительными, устрояя таким образом в себе внутренние расположения. В-третьих Небо ниспосылает свое благословение на добродетель, отселе вошли в употребление пять видов одежды и пять видом шляп для отличия чинов. В-четвертых Небо карает преступление; отсюда произошли пять разрядов наказаний и пять исполнений оных, смотря потому, к какому кто званию и чину принадлежит. — В этом заключается вся сущность государственного управления. — Надобно всемерно стараться быть ревностным к своей должности!

Л. 32об. — страница 42

Взаимное отношение между Небом и Землею

6.) Небо всё видит и всё слышит, смотря потому, как мой народ слышит и видит. Небо прославляет ли кого или угрожает кому, в том и другом случае поступает, смотря по тому, как мой народ прославляет кого или кому угрожает. Такова связь между горним и дольным. Колико же должны быть внимательны владеющие земными царствами!

*Заключение докладов Гао-яо поощрением государя Шуня
к неослабному исполнению его слов*

7.) Наконец Гао-яо сказал: всё, что я ни говорил, согласно с порядком дел; остается теперь, государь, приводить тебе то в исполнение. Юй сказал: «Да! Если твои слова будут приведены в исполнение; то чрез это можно оказать великие услуги». Я ничего не могу знать, сказал Гао-яо, могут ли от того произойти какие-либо услуги; по крайней мере я ежедневно забочусь о том, чтобы содействовать, сколько можно, успехам государя.

Список литературы

- [1] Le Chou-King, un des livres sacrés des Chinois, qui renferme les Fondements de leur ancienne Histoire, les Principes de leur Gouvernement & de leur Morale; Ouvrage recueilli par Confucius. Tr. & enrichi de Notes, par Feu le P. Gaubil, Missionnaire à la Chine... P. : Chez N. M. Tilliard, Libraire, Quai des Augustins, à S. Benoît, 1770. 624 p.
- [2] Древняя китайская история: 1822 года. Отдел рукописей Российской национальной Библиотеки. Ал.-Нев. А-20. 64 л.
- [3] «Древняя китайская история» Н.Я. Бичурина: транскрипция и факсимиле рукописи 1822 года с переводом «Шу цзина», древнекитайский текст оригинала / пер. Н.Я. Бичурина. М. : ИДВ РАН, 2014. 600 с.

- [4] Скачков П.Е. Очерки истории русского китаеведения. М. : Наука, 1977. 505 с.
- [5] Фойгт К. Обзорение хода и успехов преподавания азиатских языков в императорском казанском университете, за десятилетие с 1842 по 1852 г. Казань : Университетская типография, 1852. 73 с.
- [6] ОР РГБ. Ф.273 Скачков, Константин Андрианович (1821—1883). Картон 20.
- [7] Хохлов А.Н. Китаист Д.П. Сивиллов и его русские переводы древнекитайской классики // Общество и государство в Китае. 2014. № 1. С. 484—512.

References

- [1] *Le Chou-King, un des livres sacrés des Chinois*, qui renferme les Fondements de leur ancienne Histoire, les Principes de leur Gouvernement & de leur Morale; Ouvrage recueilli par Confucius. Tr. & enrichi de Notes, par Feu le P. Gaubil, Missionnaire à la Chine... P.: Chez N. M. Tilliard, Libraire, Quai des Augustins, à S. Benoît; 1770. 624 p. (In French).
- [2] *Ancient Chinese History* (1822). Department of Manuscripts of the Russian National Library. Al. — Nev. A-20. 64 p.
- [3] *Ancient Chinese History* by N.Ya.Bichurin. Moscow: IFES RAS, 2014. 600 p. (In Russian).
- [4] Skachkov PE. *Oчерки istorii russkogo kitaevedeniya [Essays on the history of Russian Sinology]*. Moscow: Nauka Publ., 1977. 505 p. (In Russian).
- [5] Voigt K. *Review of the progress and success in teaching of Asian in Imperial Kazan university, for the decade from 1842 up to 1852*. Kazan: University typography, 1852. 73 p. (In Russian).
- [6] Manuscript Department, Russian State Library. F.273. Skachkov, Konstantin Andrianovich (1821—1883). Carton 20. (In Russian).
- [7] Khokhlov AN. [Sinologue D.P. Sivillov and his Russian Translations of Ancient Chinese Classics]. *Obschestvo i gosudarstvo v Kitae [Society and State in China]*. 2014;(1):484—512.

Сведения об авторе:

Стеженская Лидия Владимировна — кандидат филологических наук, доцент Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»; старший научный сотрудник Института Дальнего Востока РАН, Москва, Россия (e-mail: lstezhenskaya@hse.ru).

About the author:

Stezhenskaya Lidiya V. — PhD (Philology), Associate Professor, HSE University; Senior Researcher, Institute of Far Eastern Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia (e-mail: lstezhenskaya@hse.ru).